

ТИНА ЛАВ

со вкусом карамели

РАЗВОД

Тина Лав

Развод со вкусом карамели

«Автор»

2026

Лав Т.

Развод со вкусом карамели / Т. Лав — «Автор», 2026

Муж ушел к той, с кем «есть о чем поговорить», оставив Аиду в пустой квартире с четким ощущением, что она была просто удобным фоном. Но жизнь, как капризное тесто, не терпит чужих инструкций: кухонный бардак, мука на потолке и паника перед камерой случайно стали ее лучшим рецептом. Оказывается, если позволить глазури треснуть, а себе — наконец рассмеяться над своими «фейлами», жизнь может стать намного слаще.

© Лав Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Убежавшее молоко нашего брака	5
Глава 2. Липкое тесто надежды	9
Глава 3. Терпкий запах потери	13
Глава 4. Горечь чужого счастья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Развод со вкусом карамели

Глава 1. Убежавшее молоко нашего брака

Апрельский воздух был пропитан сыростью, запахом оттаявшей земли и мокрым гудроном. Зима наконец отступила, но город еще не проснулся по-настоящему - стоял в липкой, серой полудреме, разрываемой между грязными островами снега у бордюров и первыми бесконечными лужами, в которых дрожало бледное небо.

Я брела от своей кондитерской, не торопясь. Только сейчас, когда дверь пекарни за мной захлопнулась, а смена официально была закрыта, я позволила себе выдохнуть, а плечам разжаться.

Целый день они несли тяжесть бесконечных замесов, контроля за капризными температурами, ювелирной отсадки кремов. Пальцы до сих пор помнили упругую податливость теста, а в ноздрях все еще витал ванильный дым.

В голове, как заведенный метроном, отстукивал вечерний чек-лист. Закинуть в барабан стиральной машины мои фартуки, отпарить рубашки Павла на всю неделю, сварганить ужин и что-то Пашке за завтра, расписать отчет об изготовленных за неделю изделиях. Не обязательно, но для статистики - необходимо.

Жизнь, выверенная до грамма, где каждый шаг прописан заранее и не терпит самостоятельности.

Пашка, скорее всего, уже дома. Он часто приходит довольно рано и работает дальше уже дома в уюте и тишине привычных родных стен - составляет новые программы праздников, проверяет комментарии в соцсетях, настраивает рекламу.

Никто не отвлекает, можно расслабиться, а звонки по телефону принимать можно в любом месте.

Я гордилась своим мужем. Не каждый к тридцати годам имеет собственное ивент-агентство. А ведь он начинал с простого аниматора. Шесть лет назад у нас была только мечта, а теперь она стала реальностью.

Я уже видела, как войду в прихожую, стащу промокшие ботинки, оставлю пакеты на столешнице и тихо займусь своим делом, пока он зарабатывает настоящие деньги для нашей семьи.

Все шло по заведенному порядку. Так и должно было быть. Он отвечал за обеспечение, а я - за быт.

Но я работала, конечно. Деньги-то в любом случае лишними не будут. Да и неправильно это - сидеть у мужа на шее. Пашка сразу сказал, что жена должна чем-то заниматься, а не только дома сидеть. Вот что ей дома делать? Полы помыть, поесть приготовить - так это и после работы можно сделать, там делов-то...

Я шла, втягивая влажный воздух, наслаждаясь тем, что холод и промозглый ветер сменились на эту распутицу - это означало, что скоро лето. Но еще не жарко, и свежий воздух приятно освежает после работы.

Эта весна напоминала плохо взбитый крем: рыхлая, мутная, но с едва уловимой сладостью в конце.

Подъезд встретил запахом кошачьего туалета и мокрых тряпок. Видимо, сегодня здесь попытались помыть пол, но не сочли нужным хотя бы раз поменять воду. Дойдя до своей двери, я вытащила связку ключей и обратила внимание на свои руки.

Так и знала, что я что-то забыла! На безымянном пальце не было кольца. Я всегда снимала его перед работой, но никогда не забывала надеть обратно. Это было правило, которое

мне даже помнить не приходилось - руки автоматически надевали кольцо перед выходом с работы. Всегда.

И вот сегодня система дала сбой. Как я умудрилась? Что ж, трагедии в этом нет. Кольцо дождется меня - его никто не тронет на моей полочке. Тут и думать нечего. Но как же без него неприятно и неудобно.словно голая!

И ведь шла по улице и чувствовала дискомфорт. Но как я не поняла, что именно случилось? Если бы я сообразила раньше, то обязательно вернулась бы. А теперь... Теперь придется побыть без него.

Замок шелкнул. Дверь подалась с тихим скрипом.

Я шагнула в прихожую, намереваясь опустить пакеты, и окаменела. В коридоре стояли две огромные клетчатые сумки. Явно не пустые.

Пашка на корточках обувался.

- Ты чего так рано? - буркнул он.

- В каком смысле? - не поняла я. - Я всегда так прихожу. У меня, вроде, день нормированный. А ты чего это? Куда собрался?

- Уезжаю, - снова буркнул Пашка. - Не хотел с тобой пересекаться, но... Ладно, все равно об этом надо было поговорить. Вот и говорю.

Я ничего не поняла из этой сумбурной речи. То ли отупела за рабочий день, то ли в принципе отупела и разучилась понимать людей. Мужа, например..

- Куда уезжаешь? О чем поговорить? - решила прояснить я.

- О разводе, - буднично ответил Пашка. - Только давай без истерик.

- Какой развод? - ошалела я. - Какие истерики? Ты с ума сошел?

Ни о каком разводе я не знала. Или он говорил, а я забыла? Нет, точно не говорил. Я бы запомнила. Как такое забудешь-то вообще?

- Аида, я же попросил без истерик, - горестно вздохнул муж. - Ну что ты опять начинаешь?

- Что начинаю? - чуть повысила голос я. - Паш, ты о чем вообще? Какой развод? Что случилось?

- Так и я думал, - нахмурился Пашка. - Так и знал, что начнутся скандалы, разборки, сцены... Я так устал! Я хотел просто уйти.

- Просто уйти? - окончательно потеряла я связь с реальностью. - Просто собрать потихому вещи и куда-то свалить? Ты нормальный?

- А ты нормальная? - вернул претензию муж. - Я попросил без скандалов, а ты устроила сцену.

- Да ничего я не устраивала, - тихо произнесла я. - Я просто хочу понять, что происходит. Почему ты уходишь?

- Вот поэтому, - припечатал Паша. - Потому что ты совсем выпала из жизни. С тобой даже поговорить не о чем. У тебя все разговоры только о том, что приготовить. Все, мне пора. Не звони мне.

- А куда ты уходишь-то? - задала я совершенно нелепый вопрос, как будто сейчас это было действительно важно. Хотя важно было вовсе не "куда", а "откуда". Отсюда.

- В свою квартиру, - нехотя ответил муж.

- Так она же маленькая, - невпопад ляпнула я, как будто это было серьезным аргументом, чтобы остаться. - А жильцы, которые ее снимают, к этому как отнесутся?

- Вот видишь! - снова нахмурился Пашка. - Они уже месяц там не живут, а ты даже не в курсе.

- Вот дела, - снова удивилась я. - А откуда я должна была об этом узнать?

- Спросить, например, - снова развел руками муж. - Поинтересоваться, как идут дела. Или кроме твоих пирожков тебя ничего больше волнует? Хотя, кого я спрашиваю...

Он подхватил сумки и почти побежал вниз по лестнице, не оборачиваясь.

А я застыла в коридоре, словно под ледяным апрельским дождем, который пробивает насквозь, не оставляя ни малейшего шанса спрятаться.

Происходящее казалось каким-то нелепым фарсом или ночным кошмаром. Будто идешь по знакомой набережной, а асфальт под ногами вдруг превращается в вязкую жижу, и ты проваливаешься, не успевая ухватиться за реальность.

Обычно в таких снах спасает пробуждение. Но сейчас вынырнуть не получалось. Я ущипнула себя за руку. Больно! Но нет - я все так же стояла в коридоре, а не вскакивала с криками на кровати.

Машинально я глянула на руку, на которой не было обручального кольца. Как это случилось, что именно сегодня, когда я забыла его на работе, мой муж решил от меня уйти?

Может, мне не стоило открывать эту чертову дверь, обнаружив пропажу? Может, надо было бежать на работу за кольцом и возвращаться уже с ним, и тогда я попала бы в свой привычный уютный мир, а не в этот ужас и мрак?

Может, я открыла дверь в параллельную реальность? Может, именно кольцо было моим ключом к нужной привычной двери...

Какие только глупости не придут в голову. Я тряхнула волосами. Приметы, кольца, параллельные вселенные... Это все чушь. Мужья уходят независимо от того, носят их жены кольца или нет.

По всем законам драматургии следовало зарыдать. Или хотя бы выкрикнуть что-то невнятное. Или просто рухнуть. Но онемение оказалось сильнее эмоций. Внутри словно выдернули вилку из розетки, и все, что сейчас болело, медленно опало, превратившись в липкую, безжизненную массу.

Я пыталась прожевать мысль: Павел собрал чемоданы и ушел. Ушел - насовсем? Или на время?

Почему он ушел? Зачем ушел? Вопросов было много, а ответов не было совсем. В голове крутились мысли, как опара в тестомесе. Они вязли и липли, мешали друг другу, не давали увидеть картину целиком.

Все это напоминало дурное кино про тупых героев, которые сами не знают, чего хотят.

Чего ему не хватало? Почему он так внезапно ушел? Мы ведь даже не ругались. Я не изменяла, не предавала, не требовала невыполнимого. Да и выполнимое тоже не требовала - по дому справлялась сама, а для "мужских" дел я вызывала мастеров на час. Так гораздо быстрее и проще, чем тревожить по пустякам Пашку. Тем более, что он постоянно был занят.

Он никогда не возражал - денег давал без проблем, зная, что ему этим заниматься некогда, а я - не умею. Зато я могу взять на себя организацию решения и не тратить его время на эту ерунду.

Вести бизнес это ведь не просто ходить на работу в найме, где за тебя все решают. В бизнесе ответственность нужна! Месить тесто по готовым картам - это разве работа? Это ерунда! А вот попробуй-ка порешай серьезные вопросы ивент-агентства...

Я все это прекрасно понимала.

Так чего же я не понимала? Когда я умудрилась прозевать убежавшее молоко нашего брака?

Нет, этого просто не могло быть в нашей жизни. Не сейчас! Не теперь, когда в нашей жизни наступила светлая полоса - никаких долгов, никакой неопределенности, полная ясность впереди. Мы даже задумывались о ребенке. Возраст - самый подходящий, тридцать лет - самое благоприятное время со всех сторон, как ни крути. И здоровья еще вагон, и деньги уже имеются.

Я обвела комнату долгим взглядом.

На первый взгляд, вроде, ничего не изменилось. Но стало как-то пусто и неудобно. Как будто жизнь из комнаты ушла. Как будто ушла душа, что ли.

Постель была небрежно заправлена - Пашка всегда просто накидывал сверху покрывало, не заботясь о том, чтобы ровно разложить подушки и расправить одеяло.

Я машинально поправила. Потом не выдержала и все перестелила. Хотя смысла в этом уже не было - все равно скоро снова ложиться спать.

Спать? Одной?

За шесть лет брака я ни разу не спала одна. Пашка всегда ночевал дома. Или мы ездили отдыхать вместе. И спали там тоже вместе.

И с кем же он будет спать теперь?

Ревность, острая, как хорошо наточенный нож, воткнулась в сердце и начала ворочаться там. Слезы сами собой потекли из глаз.

Как такое возможно, что человек еще вчера вечером засыпал с тобой, а уже сегодня ушел, бросив обидное: "Не звони мне"? Почему ничего не стал объяснять?

Почему он молчал, если его что-то не устраивало? Почему не дал возможность что-то исправить?

Или он давно для себя все решил, а потом только готовил пути для отхода - освобождал квартиру от арендаторов, например? Но почему он решил расстаться?

Разве я была плохой женой? Или дело не во мне, а в том, что появилась... другая? Та самая, с которой он сегодня будет засыпать в своей квартире, как когда-то - даже вчера - засыпал со мной.

Получается, что она заняла мое место. Мое законное место рядом с моим законным мужем!

А как же я? Кто будет теперь со мной?

Стало так жалко себя, что слезы, которые едва успели прекратиться, вновь хлынули потоком. Они текли по щекам, а из груди рвался воздух. Отрывисто, болезненно.

Я размазывала слезы по лицу руками, которые так и не помыла, придя с улицы. Размазывала тушь, которой всегда подкрашивала глаза перед работой. Размазывала пудру, которая делала мое лицо бархатистым. Для кого? Для того, кто даже не объяснил мне, в чем моя вина? За что я осталась одна?

Глава 2. Липкое тесто надежды

Среда выдалась серой и липкой, как непромешанное тесто. За окном кондитерской апрельское небо нависало низкими тучами, с которых периодически срывался мелкий дождь, превращая двор в бесконечное зеркало из луж и грязи.

Снег почти сдался, оставив после себя лишь мокрые, грязные островки у водостоков, но тепло так и не пришло. Воздух стоял тяжелый, пропитанный запахом мокрого асфальта, прелой листвы и нашей вечной ванильно-мучной пылью.

То, что вчера казалось мне началом весны, сегодня вызывало бесконечную тоску и омерзение.

Но работать было необходимо - это хоть немного отвлекало. Не давало провалиться в тягостные мысли.

Мыслей было много, а самая главная среди них была надежда. Дурацкая надежда на то что все само как-нибудь наладится.

Первые часы смены прошли в привычном, почти автоматическом ритме. Пальцы помнили движения: отмерить, просеять, взбить, проверить температуру духовки. Но сегодняшние заказы давались с трудом, будто крем норовил расслоиться, а бисквит не хотел подниматься. За годы работы в этой маленькой пекарне я привыкла к стабильности настолько, что малейший сбой в графике или недозбитый белок заставляли внутренне сжиматься.

А сейчас в голове были совсем другие мысли.

Кухня не любит злых или печальных. Готовить всегда надо с хорошим настроением и любовью, иначе блюдо выйдет в лучшем случае невкусным. В худшем - оно будет отравлено тем ядом, который пожирает тебя изнутри.

И пусть этого яда нет среди известных ученым-химикам, но он реален. Яд горечи, предательства, разочарования, гнева, ненависти...

Дневной свет ложился на столы бледными, холодными полосами. За стенами гудел город: шуршали шинами машины, развозящие воду по колеям, прохожие торопливо перепрыгивали через лужи, стараясь не запачкать весеннюю обувь. Внутри было душно и влажно — печи работали на полную мощность, а форточки едва справлялись с конденсатом.

Моя напарница Иринка старательно замешивала фарш на беляши, тихо напевая под нос.

Дверь кухни отворилась без стука. На пороге стояла Елена Ивановна, наша хозяйка и главная по кондитерской. Обычно она входила с четкими распоряжениями и счетами на сверку, но сегодня ее плечи были опущены, а лицо не выражало ничего хорошего.

Она держала в руках сложенный вдвое лист бумаги и выглядела так, будто вот-вот заплачется.

– Девочки, - начала она твердо, но голос предательски дрогнул. - Я к вам с плохими новостями. Тянула до последнего. Все надеялась, что как-нибудь образуется, но... В общем, мы закрываемся.

Я уставилась на нее непонимающим взглядом, а Иринка развернулась от своего тазика с фаршем и ошеломленно произнесла:

– В каком это смысле?

– В прямом, - не стала юлить начальница. - Нелегко нынче малому бизнесу. Взрослые же, должны понимать...

Она махнула рукой, словно сама не верила в то, что говорила. Ее слова не укладывались в голове.

Только вчера мой муж собрал вещи и ушел из дома, и я видела в работе хоть какой-то островок привычной жизни и стабильности, и вот не стало и его.

Это было слишком плохо, чтобы быть правдой.

– Вы шутите? - выдавила я.

– Хотелось бы, - мрачно произнесла Елена Ивановна. - Не до смеха мне. В общем, с понедельника кондитерская официально закрыта и выставлена на торги. Такие вот дела.

– А нам-то что делать? - спросила Иринка таким тоном, словно Елена Ивановна должна была испугаться и передумать закрывать бизнес.

– Искать новые места, - развела руками начальница. - Но вы не волнуйтесь, все по закону - выплачу вам компенсацию за переработки, отпуска, пособие по сокращению или что там полагается? В общем, вам все посчитают уже завтра и в понедельник, как банки откроются, вам все сразу на счета упадет.

– Может, это временно? - закинула я удочку, надеясь сохранить хотя бы осколки привычной реальности. Хотя бы какие-то крупные осколки. Но все надежды Елена Ивановна уверенно разметала в пыль.

– Нет ничего более постоянного, чем временное, - вздохнула она. - Думаете, мне вот так легко - потерять любимое дело и доход? Я цеплялась, сколько могла. Билась, боролась, но все бестолку. Девочки, не теряйте ваше время. Не ждите, пока я разберусь со своими проблемами. Ищите места. Я понимаю, что сейчас многие закрываются, но крупные точки еще держатся. Пробуйте туда. Если надо, я напишу вам отличные рекомендации. Больше ничем я помочь не могу.

На последних словах ее голос снова предательски дрогнул, и она быстро развернулась и юркнула в дверь, тихо прикрыв ее за собой, а мы с Иринкой остались в шоке.

Сегодня была среда. До конца недели оставалось всего пара смен. Пара дней, чтобы сдать остатки инвентаря, упаковать инструменты и понять, как жить дальше.

Я смотрела в белую кафельную стену, а в голове уже начинали складываться пугающие цифры: коммуналка, продукты, бытовая химия... На какие деньги? Да, выплатят компенсацию. Да, этих денег хватит на пару месяцев... А дальше? Как жить дальше?

Если раньше можно было рассчитывать на Пашкины доходы, пока я ищу новую работу, то сейчас не было и его.

Правду говорят, что беда не приходит одна. И вот сейчас моя жизнь оказалась полностью разрушена - ни семьи, ни работы. Ничего того, ради чего стоило жить. Ничего того, что давало мне опору.

До кучи оставалось еще заболеть чем-нибудь неизлечимым.

Я тут же отогнала эти скверные мысли. Все и так было достаточно плохо. И делать еще хуже не стоило.

– Нормально, конечно, - хмыкнула Ирина. - Отличная новость. А главное - вовремя. Только я взяла кредит на машину... И что мне его теперь, обратно отдавать?

– Ты кредит взяла? - автоматически отозвалась я. - Я не знала.

– Я не говорила же, - пожала плечами Ирка. - Думала, скажу, когда машину куплю. Раньше времени чего трепаться? А ты чего такая кислая, как будто вместо сахара лимонной кислоты в чай бахнула?

Я тяжело вздохнула в раздумьях. Как сказать эту новость? И говорить ли, вообще? Вдруг Пашка еще вернется? Вдруг это временный кризис?

И как я потом буду себя чувствовать? Как дура? Как паникерша?

И как после этого Иринка будет относиться к моему мужу?

У нее у самой полгода назад состоялся развод - громкий, со скандалом. Ирка выставила своего мужа с сумками на улицу, потому что устала терпеть его постоянные загулы и поиски себя. Искал себя он то в компании сомнительных девок, то среди других таких же безответственных друзей, которые не могли найти постоянную работу.

Тогда она даже не переживала. Наоборот, сказала, что так хорошо себя никогда не чувствовала - словно скинула камень с шеи и начала выплывать, когда уже и не надеялась на это.

А я еще смотрела на нее и холодела от мысли, что могу так поступить с Пашкой. Что ж, я с ним так и не поступала. Он ушел сам.

И это было очень больно и несправедливо.

Поймет ли Иринка, что не все так легко и радостно расстаются с мужчинами, как она?

– Пашка вчера собрал вещи и ушел, - наконец, выдавила я и проглотила вставший в горле комок.

– Куда ушел? - опешила Ирка. - Как ушел? Погоди...

Она задумалась.

– Ушел в свою квартиру, которую мы сдавали. Мы же жили в моей родительской - она побольше. А там - однушка...

– А где эта его квартира? - осторожно поинтересовалась она. - Случайно не на Первомайской?

– Откуда ты знаешь? - удивилась я. - Да, в свечке на углу Первомайской.

– На первом этаже? - добила она.

– Ну да. На первом, а что?

– Значит, не показалось, - медленно произнесла она. - Я же в том же доме живу, ты не знала?

– Нет, - снова удивилась я. - Откуда бы? Я же у тебя в гостях ни разу не была, как и ты у меня.

Мы с Иринкой познакомились всего год назад - в этой пекарне. И хотя на работе мы хорошо ладили и даже могли бы называться подругами, но по факту мы не дружили в полном смысле этого слова. На это просто не было времени. Работа, дом, семья, быт... Когда тут дружить? Когда в гости ходить? Да и на работе нам хватало общения.

– Ну да, - потеряла нос Ирка. - Точно. Ну вот, теперь знаешь. Я живу в той свечке. И вчера увидела мужика с сумками. Думаю, похож на мужа твоего... Но так его видела-то пару раз всего и то не слишком близко. Думаю, чего бы ему там делать-то? Показалось, наверное. А вот нет - не показалось.

– Очуметь, - вздохнула я. - Ну он хоть один был? Или с бабой?

– Один, один, - успокоила Ирка. - У него квартирка-то прямо под моей. У меня же одна из двух совмещенная - так родители в свое время сделали. Была их квартира и дедова. Деда не стало, так они стену разворотили, и получилась трешка с одной огромной кухней и двумя ванными. Прямо пентхаус, короче. Потом ремонты, то да се. Они переехали к морю еще лет восемь назад, а мне все это богатство и осталось. На черта мне такие хоромы? Ну да ладно. Так а чего ушел-то? Сам так решил?

– Сам, - кивнула я. - Сказал, что со мной не о чем поговорить, кроме пирожков. А я ведь даже пирожками не занимаюсь. Я на пирожных стою... Бред какой-то.

– Ясно, - скривилась Ирка. - Ты только на свой счет не воспринимай этот бред. Этот бред не про тебя, а про него.

– Но я и правда стала какой-то пресной, - развела я руками беспомощно.

– А раньше прямо такой развеселой была, да? - внимательно посмотрела на меня Ирка.

– Да нет. Обычной.

– Ну так вот тебе и ответ. Раньше ты его устраивала, а теперь новых ощущений захотелось. Ничего. Еще поймет, кого потерял. Поговорить ему не с кем... Кобелина!

– Ты же сама сказала, что он один был, - прищурилась я.

– Мы последим, последим, - угрожающе пообещала Иринка. - Мне наблюдать удобненько. Да и соседей я всех знаю... Я там с детства живу. А как эта квартирка вдруг стала его? Там же раньше жила тетя Поля. Но она одинокая была. За ней даже не ухаживал никто... Правда, я же пару лет не жила там. Как раз, когда родители на моря собрались, мы квартиру

закрыли и поехали все вместе. А потом я вернулась. Не мое это - курортные города. А тети Поли уже нет, а в ее квартире какие-то люди.

– Ну да, примерно тогда он ее в наследство и получил, - кивнула я. Точнее, его мать получила. Но она хозяйство бросать не стала, а он из деревни переехал, встретил меня, через пару месяцев уже ко мне переехал, а квартиру мы ту сдали, чтобы денег побольше было. Ну, Пашка сдал.

– Ясно, - снова кивнула Ирка. - Странно, но я его там не видела ни разу до вчерашнего дня.

– Деньги на карточку переводили, - пожала я плечами. - А сдавали через агентов. Они сами показывали, заключали договор. Так проще. Пашка туда даже не ездил никогда. А я внутри вообще ни разу не была. А нет, вру, один раз была. Там нужны были шторы, и мы наши старые привезли.

Странно, но от этого разговора мне становилось легче. Иринка не утешала меня, но почему-то беседа успокаивала. Как будто мы говорили о чем-то совершенно обычном. Обыденном. Банальном.

Вот, как о пирожках. Или о том, как лучше стирать белое - замачивать или сразу с кислородным отбеливателем на высоких температурах прогонять без всякой возни. Или о том, чем подкормить герань, которая чахнет, несмотря на все усилия.

– Ладно, не кисни, - сказала Ирка. - Пройдет время, и ты еще поймешь, как хорошо быть одной. Поначалу непривычно, но это временно. Еще сама не рада будешь, когда он припрется обратно.

– Думаешь, он вернется? - слабо усмехнулась я.

– Сто процентов, - кивнула Ирка. - Они всегда возвращаются. Исключений нет. Но это происходит исключительно тогда, когда становится плевать. Когда он не нужен уже совершенно. Пока ты ждешь, он не вернется. Стоит только забить и начать новую жизнь, расправить крылья, нового мужика найти - здрасте, нарисовался. Все осознал, раскаялся, пусти обратно... А уже не надо!

Я слушала, как за окном шуршат шинами машины, разбивая апрельские лужи. Грязь чавкала под ногами прохожих.

У меня больше не было мужа, не было работы. Но внутри, где еще минуту назад зияла пустота, начала проступать слабая, упрямая искра. Может, и не стоило спасать то, что перестало подниматься. Может, пора было просто взять новую форму и начать все заново.

Глава 3. Терпкий запах потери

Понедельник выдался обманчиво ясным. Солнце било в окна пекарни так ярко, что даже уже успевшие за выходные покрыться пылью стекла витрин заиграли радужными бликами.

Вокруг пели птицы. Воздух был наполнен предвкушением настоящего тепла. Зелени еще не было - ветки деревьев стояли голыми, но почки уже набухли, а лужи у тротуара блестели, как отполированные зеркала, отражая чистое, без единого облачка небо.

Природа словно смеялась над нами, демонстрируя весну в ее самом безупречном, праздничном наряде. А внутри царила пустота.

Пекарня уже не работала. Двери были заперты на замок, табличка "Закрыто" висела криво, будто ее повесили в спешке и забыли тут же поправить. Внутри споро шебуршали грузчики в рабочих комбинезонах.

Они таскали мелочевку: противни, формы, упаковки с пергаментом, мешки с сахарной пудрой, венчики, лопатки, термометры. Все, что можно унести в руках или сложить в коробку, отправлялось в фургон.

Крупное оставалось: огромные конвекционные печи, холодильные шкафы, промышленные миксеры. Они стояли как осиротевшие памятники, холодные и бесполезные в выключенном состоянии.

От этого зрелища сжималось что-то в груди. Место, которое раньше пахло ванилью, карамелью и теплым тестом, теперь пахло отчаянием, картоном и чужой спешкой.

– Поверить не могу, что это правда происходит, - пробормотала Елена Ивановна, наблюдая за тем, как ее вещи выносят и аккуратно складывают в машину.

– Как дурной сон, - согласилась я. - Вся эта жизнь - как дурной сон.

– Да ладно тебе, - махнула она рукой. - Ты молодая, у тебя все впереди. Найдешь еще работу. Главное-то - семья есть. Муж - защитник и тыл. Это у меня - никого и ничего, кроме этой пекарни. А теперь и ее нет. И возраст уже не тот, чтобы начинать все с нуля.

Я не стала ничего говорить. Зачем ей рассказывать, что мужа - защитника и тыла - тоже больше нет? Разве станет ей легче от того, что она узнает, что через два часа я должна быть в загсе, чтобы подтвердить свое согласие на разрушение моей жизни?

Иринка стояла у стола упаковки, медленно складывая в коробку свои личные ножи. Она не смотрела на меня, только губы были сжаты в тонкую линию.

Я знала этот взгляд. С виду он казался свирепым и злым. Но Иринка просто думала с таким выражением лица. Всегда.

Она не злилась. Она обдумывала какой-то план. И очень напряженно. Очень.

Елена Ивановна тяжело вздыхала каждый раз, когда очередная коробка покидала помещение.

В ней чувствовалась тяжелая, липкая усталость человека, который отдал этому месту годы, а получил в ответ сухое постановление о прекращении деятельности и прощание.

– Держи.

Она протянула мне маленькую книжицу. Трудовая книжка. Я провела пальцем по корешку, чувствуя знакомую шершавость. Вся моя трудовая деятельность в одной маленькой книжице. Все мои дни, когда я отдавала себя работе без остатка.

И снова - расторгнут договор. Договоры, какими бы они крепкими не казались, всегда можно расторгнуть.

И даже то, что кажется незыблемым, имеет свой финал. Просто констатация: все закончилось.

Я жала обложку в ладонях. За окном солнце продолжало греть, птицы щебетали беззаботно, будто ничего не случилось. Лужи сверкали, воздух был чистым и звонким.

Весна шла в полный рост, а мы стояли среди картонных коробок и выключенных машин, как на поминках по собственному ремеслу. Мне хотелось заплакать от этого контраста. От того, как мир продолжает жить своей жизнью, когда твой собственный график обрывается.

От того, что я держу в руках документ, который официально ставит точку не только в работе, но и в том укладе, который я считала нерушимым.

Сначала Пашка ушел. Теперь пекарня. Словно кто-то взял мою жизнь и выключил оба источника тепла одновременно. Оставил меня на холодной кухне, где больше никому проверять температуру.

И через пару часов я получу еще один документ, который подтвердит, что я больше никому не нужна.

Я спрятала книжку в сумку. Иринка подошла, держа в руках коробку и легонько подтолкнула меня к выходу.

– До свидания, Елена Ивановна, - тихо произнесла Ирка. - Вы звоните, если что.

Елена Ивановна кивнула, и в этом кивке было больше, чем в любых словах. Мы вышли на улицу. Солнце слепило глаза, воздух бил в грудь свежестью, а под ногами хрустела подсыхшая грязь. Я сделала шаг. Потом еще один. Весна не ждала, пока мы оплачем прошлое. Она просто шла дальше. И мне придется идти за ней. Даже если пока не знаю, куда.

– Чего делать планируешь? - спросила Ирка, когда мы немного отошли от места бывшей работы.

Я неопределенно пожала плечами.

– В загс схожу, у нас там время назначено. Потом не знаю.

Ирка развернулась и внимательно посмотрела на меня.

– И как ты? Держишься?

– Держусь, - коротко кивнула я. - Стараюсь не думать обо всем этом. Мне кажется, если я начну думать, то просто рассыплюсь на тысячу осколков. А пока не думаю - этого как будто бы нет.

– Однажды все равно придется, - медленно ответила она. - Тебе придется открыть глаза и увидеть правду. Не торопись. Время придет само. Ты будешь готова, и тогда момент настанет. Вот только...

Она замолчала на полуслове.

– Только - что? - уточнила я.

– Только пока ты ждешь этого момента, - осторожно подбирая слова, ответила она. - Не сиди, сложа руки. Делай хоть что-то. Просто делай для себя. Занимайся чем-то, чем раньше не занималась. И тогда, когда ты увидишь правду - что твоя старая реальность рухнула, у тебя останется не пустота, а что-то новое, что ты уже начала строить. Так будет гораздо легче справиться с тем, что ты потеряла что-то старое.

– Типа пойти на танцы? - невесело усмехнулась я. - Как будто бачата заменит мне семью. Или инструктор заменит мужа.

– Ни в коем случае, - покачала головой Ирка. - Знаю, что клин вышибают клином, только не сработает это. Это же бесконечный цикл смены мужиков получится. А надо что-то свое. Чтобы твое счастье и спокойствие не зависело от них. Когда у тебя есть только семья и работа, то потеряв что-то одно, ты хотя бы остаешься с чем-то другим. Но когда теряешь оба сразу, и больше ничего у тебя нет - это страшно. По-настоящему страшно. А если есть еще что-то... Да хоть бачата. Или рассада на даче. Или картины по номерам... Да плевать что, но это должно реально зажигать тебя. Вот тогда катастрофы не будет. Да, будет больно. Но ты не останешься разрушенной до основания. У тебя будет то, что помогает тебе понять - ты это ты.

– Я уже потеряла все, - развела руками я. - Поздно хобби заводить.

– Ты потеряла, - кивнула Ирка. - Но у тебя еще есть время - ты ведь пока не осознала. Вот пока ты в шоке, начинай чем-то срочно заниматься. Обезбол не будет вечным, рано или поздно придется принять реальность.

Я кивнула. Сама пыталась понять, как жить дальше, но за выходные так и не придумала.

Пашка написал только один раз - скинул время, в которое нас ждут в загсе и добавил, что если я не приду, нас все равно разведут, но через суд.

Я решила не обострять конфликт. Если ему действительно так сильно надо, то пусть так и будет. Развод это не приговор. Если люди любят друг друга, они могут жить и без штампа в паспорте.

А если не любят, то штампом их не удержишь. Да и ничем не удержишь.

Оставалось только принять неизбежное и сохранить остатки уважения к себе. Если просить вернуться или уговаривать остаться, то это ничем хорошим не закончится. Но как же тяжело удержаться от этого! Не спасать отношения - это намного сложнее, чем спасти.

Потому что когда ты спасаешь, ты что-то делаешь. Что-то на твой взгляд правильное. А когда ты просто пытаешься делать вид, что ты готова отпустить... Это мучение. Это ложь самой себе. Я не была готова отпустить. Я не была готова разрушить семью.

Но я должна была с этим смириться, согласиться и сказать в загсе "да". Такое же "да", которое я говорила в том же самом загсе, когда думала, что это отныне и во веки веков.

И вот что странно - если бы я тогда сказала "нет", то нас никто не заставил бы остаться вместе. То "нет" имело значение.

А если я скажу "нет" сейчас, то это уже ничего не изменит. Нас все равно разведут. Не сейчас в загсе, так через пару месяцев - в суде.

Я шла медленно. Ноги будто налились свинцом, каждый шаг требовал усилий, точно я тащила за собой невидимый груз. Воздух звенел птичьим щебетом и той самой апрельской свежестью, от которой обычно хочется распахнуть окна и вдохнуть полной грудью. Я не распахивала ничего. Внутри все сжалось в тугую, холодный узел.

Я смотрела по сторонам, стараясь не думать о том, что дальше ждет за стеклянными дверями загса. Что могло там ждать? Ничего хорошего.

Мимо пробежали подростки, смеясь и толкая друг друга в плечи. Старушка на скамейке крошила хлеб голубям с таким сосредоточенным видом, будто это было самое важное дело на свете.

Витрины магазинов манили новыми коллекциями, прохожие спешили по своим делам, полные жизни, не подозревая, что для кого-то сегодня мир разделится на "до" и "после". Или он уже разделился? Оставалось только признать это.

Весна шла полным ходом. Почки на ветках уже лопались, выпуская крошечные, почти невидимые зеленые стрелки. Все просыпалось, все начиналось заново. А я шла заканчивать.

Мне было стыдно. Не перед Павлом - перед собой. Перед той женщиной, которая верила, что семья - это рецепт, которому достаточно просто следовать. Я месила наши отношения по привычке, добавляла терпение, ждала, когда поднимется. А оно не поднялось. Тесто опало, пока я отвернулась, пока думала, что ему просто надо дойти.

Я ловила себя на мысли, что хочу развернуться. Вернуться на остановку. Сесть в автобус. Уехать. Позвонить ему. Сказать: "Давай попробуем еще раз. Я начну развиваться. Я начну читать книги. Я запишусь в клуб любителей истории. Скажи, что мне сделать, и я сделаю".

Я знала, что это бесполезно. Павел уже перешел на другую страницу. Для него это был просто этап, как закрытие проекта или подписание акта. Он сделал это не для того, чтобы заставить меня извиняться или развиваться.

Он даже не ждал, что я буду умолять вернуться. Он уже жил в другом времени, где я была лишь фоном, который пора снять с декораций. Ему было все равно.

И это спокойное, деловое равнодушие резало сильнее, чем любые обвинения.

Здание загса показалось в конце улицы. Белые колонны, высокое крыльцо, стеклянные двери, в которых отражалось солнце. Я остановилась. Вдохнула. Воздух был сладким от набухших почек и мокрой земли. Где-то за углом играла уличная музыка, легкая, беззаботная. Я сделала последний шаг. Дверь поддалась. Внутри пахло канцелярским клеем, духами и тишиной. Чужой радостью и моей болью.

Глава 4. Горечь чужого счастья

За шесть лет загс изменился до неузнаваемости. Вместо потертых деревянных скамеек, тяжелых портьер и гулкового эха коридоров теперь царил светлый, почти стерильный минимализм: матовые стены в бежевых тонах, встроенная подсветка, хромированные стойки и широкие светлые окна, пропускающие апрельское солнце без единой преграды.

Даже пахло иначе — не старой бумагой и канцелярским клеем, а свежими пионами, дорогим парфюмом и теплым воском.

Я помнила, как мы стояли здесь шесть лет назад: в душном зале, под мерцание старой люстры, с дрожащими руками и наивной верой в то, что одна печать связывает навсегда.

Теперь все выглядело как декорация из глянцевого журнала, готовая принять сотни счастливых историй. Но мы пришли поставить точку.

В зале царило оживление. Вокруг нас порхали парочки: девушки в легких пальто поправляли мужчинам воротники, парни держали их за руки, глаза блестели, улыбки не стирались.

Кто-то шептался, кто-то тихо смеялся, сжимая в руках папки с заявлениями на брак. Воздух был пропитан предвкушением. Тем самым сладким, густым ощущением начала, от которого обычно замирает дыхание.

К нам подошла девушка с длинными светлыми локонами, протягивая яркие флаеры:

– Аренда лимузина на свадьбу! Скидка при заказе в день подачи!

– Спасибо, - машинально взяла я в руку рекламку.

– Девушка, нам уже ничего не нужно, - мягко отказался Павел. - Мы по другому поводу, слава богу.

Это "слава богу" прозвучало так, как будто все эти шесть лет со мной были каким-то крошечным адом, из которого его наконец-то соизволили выпустить на свободу. Как будто шесть лет назад его затащили сюда под дулом пистолета, а потом удерживали в заточении и не давали света белого увидеть.

И вот теперь он отбыл свой срок, и осталось лишь закрепить это намерение нашим общим согласием.

Через минуту подскочила другая девушка и протянула глянцевую карточку:

– Ювелирный дом "Аврора" — двадцать процентов на обручальные кольца прямо сегодня! - радостно объявила она.

– Ну мы-то, слава богу, не жениться, а разводиться пришли, - собрав весь свой сарказм в кучу, улыбнулась я и отодвинула протянутую мне руку.

Не одной же мне чувствовать себя униженной. Пусть Пашка тоже ощутит - каково это, когда с тобой расстаются со словами "слава богу". Хуже уже все равно некуда.

Павел даже не обратил внимания на мои слова. Он стоял рядом, легко переступая с ноги на ногу. Проверял часы, листал ленту в телефоне, и я заметила, как уголки его губ сами собой поднимаются.

Не от нервов. От нетерпения. Ему хотелось быстрее закончить, как закрыть скучный отчет или утвердить финальную смету. Он даже поправил пиджак, расправил плечи, будто готовился к важной встрече, а не к разрыву.

Он торопился куда-то. Судя по глуповато-счастливому выражению лица - к женщине. Невозможно переписываться с таким лицом с мужиком.

Женщина. Так я и думала. Ну, кто же еще?

Внутри меня все сжималось в тугую, холодный комок. Каждый его легкий вздох, каждое нетерпеливое движение отдавались во мне глухим эхом. Он уже жил в завтрашнем дне. Я все еще стояла во вчерашнем.

Мне протянули бланк.

– Проверьте данные, - совершенно будничным тоном сказала регистратор. - Если все верно - поставьте подпись.

Чернила легли на бумагу ровно, четко. Я не смазала ни одной буквы. Внутри что-то обрвалось, тихо, без звука, как перетянутая нить.

– Необходимо выбрать дату и время, - снова сказала девушка и открыла на компьютере таблицу. - Через месяц есть время после обеда. Удобно?

Я молча кивнула. Говорить ничего не хотелось. Я боялась, что голос меня выдаст. Что я крикну что-нибудь вроде: "Нет, черт возьми, мне неудобно! Мне удобно, когда мой муж живет со мной и любит меня, а не уходит к другой!"

Пашка тоже кивнул, на мгновение оторвавшись от телефона. Он сфотографировал свой бланк.

Зачем? Неужели, чтобы порадовать эту свою новую бабу? Какой цинизм... Это было настолько низко, подло и мерзко, что мне захотелось выхватить эту бумажку из его рук, разорвать, скомкать и швырнуть ему в лицо.

Но я не сделала ничего.

Инспектор забрала бланк, кивнула, поставила отметку. И все.

Павел уже шагал к выходу, не оглядываясь.

За распахнутым окном солнце светило так ярко, что слезились глаза. Птицы пели. Весна торжествовала. А я сидела посреди зала, где все было создано для начала, и держала в руках документ о конце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.